

ХОДЯТ по миру книги Александра Трифоновича Твардовского. По этим книгам исследователи литературы пишат свои книги. В разных концах страны, в больших городах и малых селах не прекращаются читательские конференции. Школьники учат наизусть стихи поэта. Одна из школ Москвы носит его имя. Корабль «Александр Твардовский» бороздит океанские воды. Идет жизнь, и поэт Твардовский продолжает участвовать в ней.

— Вы знали Твардовского?

— Знал.

Вопрос этот я часто слышу не только от молодых, но и от людей почтенного возраста. У всех обостренный интерес к личности выдающегося человека, творческий труд которого живет и будет жить, а сам он уже становится достоянием истории.

— Каким он был?

Каким?... Просто не ответить. Разнообразным и сложным. Как ни богато его литературное наследство, но тем не менее и оно не до конца вместило в себя человеческое богатство Твардовского, что-то не вошло в его стихи и прозу, что-то ценное уходит вместе с личностью.

Я близко знал и Константина Паустовского, и Валентина Овечкина, и Эммануила Казакевича и могу утверждать — каждый из них нес в себе нечто такое, что не успел или не сумел выразить своим трудом. Нечто очень нужное для нашей жизни.

Мы неизбежно обворуем сами себя, если не станем с самым пристальным вниманием интересоваться внутренним миром тех, кого высоко ценим, кто недавно жил вместе с нами, память о ком еще свежа. Их привычки, их поступки, их случайно брошенные мысли, их характер и манера общения — ничто не должно быть забыто, все необходимо сделать народным достоянием.

Должно... Но как?... Можно публиковать воспоминания, исследовать их жизнь, однако эти исследования станут известны лишь ограниченному кругу читателей, тогда как жизнь достойнейших из людей долж-

на стать образцом для самых широких масс.

Законно обратиться тут к помощи самого массового искусства — кино.

Сценарист Л. Мархасев и режиссер В. Шредель, создавшие на студии «Ленфильм» картину «Мир Николая Симонова», отнюдь не первооткрыватели этого жанра, но, на мой взгляд, им больше, чем кому-либо, удалось показать не просто широко известного нашему зрителю актера, а человека Николая Симонова. Речь идет о скрытых личных особенностях.

Фильм начинается с признания режиссера: «Очень трудно рассказать о Николае Симонове. Человек необычайно скромный, он не терпел рекламы, не любил позировать перед кинокамерой, редко фотографировался. Не вел дневников.

вадся им до конца дней?

«Запах скипидара, светлый загроможденный холст на мольберте, палитра, краски, кисти, — вспоминает художник Алексей Соколов. — Я долго молча переходил от картины к картине, потом спросил: «Как же вы ушли из Академии? Ведь это все, очень серьезно!» Николай Константинович подумал и сказал: «Для меня это было непростое. И вот как-то пришел я в мастерскую своего любимого учителя Аркадия Александровича Рылова... набрался храбрости...

— Ухожу я, Аркадий Александрович.

— Как уходишь? Куда?

— Да совсем ухожу. В театр.

Вот тут-то долгая была пауза. А потом Рылов сказал:

— Ну что ж, иди. Вре-

САМЫЕ ТАЙНЫЕ МИРЫ

Владимир
ТЕНДРЯКОВ

Фильм, посвященный Николаю СИМОНОВУ

Великий артист, он оставил нам свою великую славу, но почти не оставил документальных свидетельств из своей собственной жизни.

И вот режиссер заставляет зрителя присутствовать при своеобразных свидетельских показаниях. Актеры, кинорежиссеры, журналисты, художники, костюмеры, наконец, родные Симонова — все, каждый по-своему, рассказывают о том, чего зритель не мог знать. Выявляются привычки, черты характера, биографические особенности того, кого страна видела в разных обликах — и царем-реформатором Петром I, и опустившимся на дно Сатиным, и Федей Протасовым, безвольно страдающим от всяческого зла, и пушкинским Сальери, чья зависть порождает чудовищное злодейство.

Многим ли, например, известно, что Симонов начинал как живописец и оста-

лся сейчас молодым, творческим, горячее. Может быть, найдешь себя в театре. Ну, а если, мало ли что, тогда знай, что моя мастерская, Академия художеств — это твой дом».

Народный артист РСФСР К. Адашевский свидетельствует о начинающем актере: «...Он был необыкновенно общительным, веселым, заводным, страшный озорник. Но... бедный. И вот однажды вызывает его к себе художественный руководитель театра Юрий Михайлович Юрьев: «Молодой человек! Э-э... артист Александринского театра должен быть прилично одет-с». Понимаю, Юрий Михайлович, но ведь денег-то нет». «Ах, вот в чем дело? М-м... Вот вам, молодой человек, аванс: купите пальто и шляпу...» И наш Колежка с друзьями отправился на базархольку... Довольно скоро они приобрели приличное демисезонное пальто. Ну и тут же друзья решили покупочку отметить. Хм. Совершенно естественно, что на головной убор денег не осталось... Конечно, аванс больше выдан не был, и наш Колежка, по-моему, всю жизнь ходил в капке».

Он достигает славы и величия.

«...Я решил спросить, — рассказывает артист В. Мар-

МФ-2008-1944
25/ХТ, v52

ев. — Правда ли, Николай Константинович, когда Шалапин там, за границей, посмотрел «Петра I», то сказал: «Если бы я начал свою актерскую жизнь сначала, то я стал бы учиться только у Симонова». На что Николай Константинович как-то пожал плечами... «Да, я тоже слышал».

Другой артист — А. Волгин сообщает: «У меня был ввод в спектакль... Ввод срочный. И вот за двадцать пять — тридцать минут до начала спектакля я подхожу к Николаю Константиновичу и говорю о том, что вот я играю сегодня эту роль, как мне встать так, чтобы было удобно вам, Николай Константинович. И он мне говорит: «Так ведь сегодня вводите вы, а не я. И я сделаю все то, чтобы было удобно для вас». Это сказал великий Симонов, в общем, мальчишке, который пришел второй год только в театр».

Я ради примера привел лишь отдельные свидетельства. Ими заполнены все восемь частей фильма. Через них скрытый мир известного человека становится явным.

Тот, кто перестает искать, как лучше и по какому образцу сделать свою жизнь, значит, перестает самосовершенствоваться, останавливается в своем развитии. И это опасно не только для молодежи, застой в развитии в любом возрасте — преждевременная духовная смерть. Подтверждением тому — слова Николая Симонова, кончающие фильм:

«Когда я был молод, мне страшно было лишиться всего окружающего. Страшно, как перед темнотой. Светло, светло и вдруг темнота. Страшно казалось лишиться света, чувства жизни, дыхания. А теперь это совсем не страшно. Чем слабее тело, тем сильнее становится духовная деятельность. И я до сих пор только ищу истину».